

Г. С. СТАРОСТИН

ЯЗЫКИ АФРИКИ

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ
ЛЕКСИКОСТАТИСТИЧЕСКОЙ
КЛАССИФИКАЦИИ

Том III

Нило-сахарские языки

УДК 811.42

ББК 81.2

С 77

Рецензенты:

д. филол. н., гл. н. с. Института языкознания РАН В. Я. Порхо́мовский

д. филол. н., гл. н. с. Института востоковедения РАН О. В. Столбо́ва

Старостин Г. С.

С 77 Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. Т. III: Нило-сахарские языки. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. — 840 с.

ISBN 978-5-944-57302-5 (т. III)

ISBN 978-5-9500885-7-5

Третий том многотомного исследования «Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации» посвящен критической оценке одной из наиболее амбициозных классификационных гипотез Дж. Гринберга — «нило-сахарской», в рамках которой к общему предку возводятся около 200 языков Северной и Центральной Африки (включая уже исследованную во втором томе восточносуданскую семью). Из-за неразработанности методологии анализа языкового родства на глубоких хронологических уровнях эту гипотезу вплоть до настоящего времени не удалось ни доказать, ни опровергнуть, и отношение к ней специалистов остается в целом скептическим.

Исследование возможных генетических связей между десятками языковых семей, групп и изолятов, составляющих «нило-сахарский» массив, следует методике, ранее апробированной на материале койсанских и восточносуданских языков. Основная задача исследования — детальная реконструкция устойчивых элементов базисной лексики для потенциальных ветвей «нило-сахарской» макросемьи с последующим лексикостатистическим сравнением; в монографию также входят общие сведения социолингвистического и сравнительно-исторического характера по всем известным «нило-сахарским» языкам. В итоге удастся, с одной стороны, вычленив в гипотезе убедительное «ядро», с другой — отсечь ошибки, не позволяющие принять классический вариант «нило-сахарской» гипотезы целиком.

Книга предназначена для специалистов по общему, сравнительно-историческому и типологическому языкознанию; африканистов самых различных профилей; и широкого круга читателей, в той или иной степени интересующихся теоретическими, методологическими и практическими аспектами реконструкции лингвистических аспектов предистории человечества.

ISBN 978-5-944-57302-5

9 785944 573025 >

УДК 811.42

ББК 81.2

© Старостин Г. С., 2017

© Издательский Дом ЯСК., 2017

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к третьему тому	7
-----------------------------------	---

Часть IV. Нило-сахарские языки

4.0. Общий обзор	15
4.1. Группа берта	
4.1.1. Общие сведения и источники	37
4.1.2. Историческая характеристика	40
4.1.3. Лексикостатистика	42
50-словный список для языков берта	44
4.2. Группа кунама	
4.2.1. Общие сведения и источники	67
4.2.2. Историческая характеристика	68
4.2.3. Лексикостатистика	70
50-словный список для языка кунама-илит	70
4.3. Центральносуданские языки I: группа мору-мади	
4.3.0. Предварительные замечания о центральносуданских языках	82
4.3.1. Общие сведения и источники	91
4.3.2. Историческая характеристика	95
4.3.3. Лексикостатистика	106
50-словный список для языков мору-мади	108
4.4. Центральносуданские языки II: группа ленду-нгити	
4.4.1. Общие сведения и источники	140
4.4.2. Историческая характеристика	141
4.4.3. Лексикостатистика	150
50-словный список для языков ленду-нгити	151
4.5. Центральносуданские языки III: группа мангбету	
4.5.1. Общие сведения и источники	163
4.5.2. Историческая характеристика	166
4.5.3. Лексикостатистика	178
50-словный список для языков мангбету	179
4.6. Центральносуданские языки IV: группа мангбуту-эфе	
4.6.1. Общие сведения и источники	191
4.6.2. Историческая характеристика	196
4.6.3. Лексикостатистика	206
50-словный список для языков мангбуту-эфе	209

4.7. Центральнoсуданские языки V: группа сара-бонго-багирми	
4.7.1. Общие сведения и источники	228
4.7.2. Историческая характеристика	251
4.7.3. Лексикостатистика	275
50-словный список для языков сара-бонго-багирми	284
4.8. Центральнoсуданские языки VI: группа креш-аджа	
4.8.1. Общие сведения и источники	372
4.8.2. Историческая характеристика	375
4.8.3. Лексикостатистика	376
50-словный список для языков креш-аджа	377
4.9. Группа сонгай	
4.9.1. Общие сведения и источники	392
4.9.2. Историческая характеристика	396
4.9.3. Лексикостатистика	404
50-словный список для языков сонгай	407
4.10. Западнoсахарская группа	
4.10.1. Общие сведения и источники	431
4.10.2. Историческая характеристика	437
4.10.3. Лексикостатистика	444
50-словный список для западнoсахарских языков	447
4.11. Восточнoсахарская группа	
4.11.1. Общие сведения и источники	488
4.11.2. Историческая характеристика	490
4.11.3. Лексикостатистика	493
50-словный список для восточнoсахарских языков	494
4.12. Группа маба	
4.12.1. Общие сведения и источники	512
4.12.2. Историческая характеристика	516
4.12.3. Лексикостатистика	518
50-словный список для языков маба	519
4.13. Группа фур-амданг	
4.13.1. Общие сведения и источники	563
4.13.2. Историческая характеристика	565
4.13.3. Лексикостатистика	567
50-словный список для языков фур-амданг	567
4.14. Команская группа	
4.14.1. Общие сведения и источники	583
4.14.2. Историческая характеристика	588

4.14.3. Лексикостатистика	599
50-словный список для команских языков	602
4.15. Язык гумуз	
4.15.1. Общие сведения и источники	631
4.15.2. Историческая характеристика	634
4.15.3. Лексикостатистика	641
50-словный список для языка гумуз	642
4.16. Языки кронго-кадугли	
4.16.1. Общие сведения и источники	660
4.16.2. Историческая характеристика	665
4.16.3. Лексикостатистика	676
50-словный список для языков кронго-кадугли	678
4.17. Язык шабо	
4.17.1. Общие сведения и источники	710
4.17.2. Историческая характеристика	712
50-словный список для языка шабо	714
4.18. Предварительные выводы	728
Литература	776
Приложение 1. Унифицированная система транскрипции ..	803
Приложение 2. Сокращения названий языков.....	807
Приложение 3. Генеалогические деревья	813
Приложение 4. Сопоставительные таблицы	819
Summary	830

4.1. Группа берта

4.1.1. *Общие сведения и источники.* Язык или, скорее, небольшая языковая группа берта (*bertha*) распространена в основном на территории Эфиопии, в районе Бенишангул-Гумуз, где племена берта составляют до 25% от общего числа населения, а также, в меньшей степени, на приграничной территории в Судане. В лингвогеографическом плане они окружены языковыми соседями, относящимися к самым разным группам: команско-гумузской (гумуз, удук), западонилотской (бурун), джебельской (гаам) и представляющими афразийскую макросемью эфиосемитской и кушитской (оромо).

До относительно недавнего времени было принято говорить исключительно о «языке берта», представленном многочисленными, но близкими друг к другу диалектами; сегодня более тщательное сравнительное изучение этих диалектов показывает, что берта на самом деле уместнее рассматривать как небольшую языковую группу или, по крайней мере, «макроязык» [Bremer 2013], и, как будет видно ниже, лексикостатистический анализ в целом подтверждает такую таксономическую переоценку.

Подробные сведения социолингвистического плана, а также детальную историю изучения языка (языков) берта по состоянию на 1970-е гг. можно найти в грамматическом очерке [Triulzi, Dafallah, Bender 1976]. Первые краткие лексические данные по берта были собраны уже в 1820–1823 гг. этнографом-любителем Ф. Кайо [Cailliaud 1826], но по-настоящему существенные материалы (тексты и словарь на несколько сотен лексических единиц) появились только в результате работы, которую провел с несколькими информантами, вывезенными в Германию, немецкий ученый К. Тучек [Tutschek 1850]. Позже к этим материалам добавились небольшие словники в работах [Halévy 1874: 56–57] и [Marno 1874: 481–495].

В 1932 г. Э. Эванс-Притчард опубликовал материалы, собранные им в ходе этнографической экспедиции 1926 г. в Сеннар. Среди этих материалов были в том числе и две группы небольших словников, которые, согласно утверждению автора, отражали соответственно диалекты суданских берта («силлок», «малкан» и «торнаси», по названию холмов, на которых проживали описываемые

племена) и эфиопских берта («дул») [Evans-Pritchard 1932: 9–12, 48–50]. Представление об этих четырех наречиях как об отдельных, пусть и сильно отличающихся друг от друга, диалектах одного языка берта на долгое время закрепилось в литературе: в частности, оно же фигурирует и в вышеупомянутом обзоре [Triulzi, Dafallah, Bender 1976: 9]. Однако уже в ходе полевых исследований М. Л. Бендера в 1978–1979 гг. обнаружилось, что «силлок», «малкан» и «торнаси» на самом деле представляют собой три отдельных языка, близкородственных друг другу, но чрезвычайно далеких при этом от собственно берта — многочисленные лексические схождения между этими языками (которые Бендер, опираясь на эндоэтнонимы племен, переименовал в «ака», «кело» и «моло» соответственно) и берта, по предположению Бендера, следует объяснять скорее тесными ареальными контактами [Bender 1983a: 51–53], в то время как ближайшим генетическим родственником ака-кело-моло оказывается совсем другой язык — гаам, или ингассана, с которым они объединяются в джебельскую ветвь восточносуданской семьи (подробный разбор данного таксона см. в т. II нашего исследования, с. 202–246).

Все лексические данные по берта, содержащиеся в перечисленных источниках, были скомпилированы в работе [Cerulli 1947], куда вошли также новые сведения, собранные лично автором по трем диалектам этого языка («ва-кошо», «ва-даши» = фадаси, «рикабийя» = майю). За этим, однако, последовал тридцатилетний перерыв, закончившийся лишь в 1970-х гг., когда новые полевые исследования М. Л. Бендера позволили опубликовать более современный и аккуратный очерк грамматики берта [Triulzi, Dafallah, Bender 1976], к которому несколько позже был добавлен обширный вокабуляр [Bender 1989b].

Новейший этап в изучении берта представлен серией работ Торбена Андерсена по фонологии [Andersen 1993a], глагольному спряжению [Andersen 1993b] и именным парадигмам [Andersen 1995] этого языка; относительно недавно вышел, наконец, в свет и первый полноценный словарь берта [Neudorf 2007], к сожалению учитывающий данные только диалекта майю.

Вопрос о количестве языков и диалектов, образующих в совокупности таксон «берта», остается открытым. Большинство источников так или иначе указывают на то, что противоположные концы

диалектного континуума берта представлены наречиями *майю* (наиболее престижный диалект, распространенный вокруг Асосы, столицы региона Бенишангул-Гумуз) и *фа-даси* (*ва-даси*) к юго-востоку от Асосы; иногда отдельно подчеркивается еще и обособленность диалекта *унду* (вокруг г. Ундулу), причем главным отличием майю от фа-даси и унду иногда считается высокая степень арабизации первого [Neudorf 2007: ix]. Однако ниже будет показано, что между этими «диалектами» обнаруживаются и существенные базисно-лексические расхождения, не объясняемые арабскими заимствованиями; вкупе с рядом важных фонетических изоглосс, отделяющих одни наречия от других, ситуация действительно допускает интерпретацию «берта» как группы из как минимум двух или трех языков (майю, фа-даси, возможно, также унду).

Открытым остается вопрос об ареально-генетических отношениях между берта и западноджебельскими языками. Позиции Бендера, который считает многочисленные общие изоглоссы между этими таксонами результатом интенсивного влияния «доминантного» языка берта на своих «рецессивных» соседей, противостоит мнение К. Эрета, объединяющего западноджебельские языки и берта в единый «джебельский» таксон; в отличие от Бендера, Эрет склонен объяснять большую часть вышеупомянутых изоглосс общим происхождением, и меньшую — результатом заимствований из языков ака-моло-кело в берта, а не наоборот [Ehret 2001: 71]. При этом, однако, в своей аргументации Эрет исходит из общенило-сахарской перспективы: в частности, его идеи относительно направленности заимствований зависят от того, удастся или нет обнаружить к тем или иным словам параллели на «кир-аббайском», «сахаро-сахельском» и т. п. уровнях — что во многом их обесценивает, учитывая общую ущербность его этимологической методологии, обсуждавшуюся в разделе 4.0.

Представляется все же, что вопрос о связях между языками берта, ака-моло-кело и гаам должен быть принципиально решаемым без необходимости выхода на какие-то более глубокие уровни (даже, например, на уровень восточносуданской семьи, к которой, судя по результатам, полученным во втором томе исследования, скорее всего относятся и ака-кело-моло, и гаам). Мы вернемся к нему еще раз в специальном приложении к этимологическому разбору 50-словных списков по берта.

4.1.2. *Историческая характеристика.* По основным параметрам устройства фонологической системы и структуры именных и глагольных основ языка берта в целом близки к «суданскому» типу, характеризующему как восточносуданские, так и многие другие группы, включаемые в гипотетическую нило-сахарскую макро-семью. Междialeктные (или межъязыковые) различия, как правило, связаны с различными особенностями фонетической реализации конкретных фонем, а не с перестройками самой системы в ходе их слияния или расщепления.

Исходная система консонантных оппозиций, общая для всех разновидностей берта и включающая только «исконные» фонемы (т. е. исключая сегменты, характерные лишь для недавних иноязычных заимствований, в первую очередь арабских), устроена относительно просто и имеет следующий вид:

*p / = f/	t	*ɕ / = ʃ/	*k / = χ, h/
b	d	*ʒ / = z/	g
b / = pʔ/	ɗ	*ʒ / = sʔ/	*g / = q, kʔ/
m	n		ŋ
w	l	r	y

Из таблицы видно, что внутри каждой из четырех стандартных для «суданского ареала» серий согласных (лабиальной, ден-тальной, палатальной, велярной) строго сохраняется тройная оппозиция по глухости / звонкости / имплозивности. При этом:

(а) глухие смычные обладают сильной тенденцией к фрикати-визации — в частности, соответствующий лабиальный согласный, по-видимому, уже на праберта уровне реализовывался как глухой фрикативный *f*, а велярный — как глухой фрикативный *χ*, *χ* или *h*. В дентальной серии глухой член определяется Андерсеном для говора Абегу как взрывной [t̪], но у Бендера и Черулли он выступает как межзубный фрикативный [θ];

(б) в условном «имплозивном» ряду собственно имплозивная артикуляция последовательно характеризует только дентальную серию (где *d* — единственно зафиксированный вариант реализации соответствующей фонемы; фонологическая оппозиция *d* : *t*, отмеченная в ряде диалектов, носит маргинальный характер, т. к. *t* встречается в основном в иноязычных заимствованиях).

Внутри лабиальной серии наблюдаются колебания между имплозивной и глоттализованной артикуляцией, причем глоттализированный вариант *p* встречается намного чаще, чем имплозивный *b* (последний вообще зафиксирован только в работах Т. Андерсена по говору Абегу языка / диалекта майю).

Что же касается велярной серии, то здесь реальная имплозивная артикуляция не зафиксирована вообще: рефлексy колеблется между глоттализированным велярным *k* (в большинстве языков / диалектов) и глухим увулярным *q* (в говоре Абегу). Условная реконструкция «имплозивности» как основного дистинктивного признака для данного ряда основана скорее на внешних, чем на внутренних соображениях: поскольку для «нило-сахарских» языков имплозивные согласные в целом более характерны, чем абруптивные, причем частотность абруптивной реализации, как правило, возрастает в зависимости от степени географической близости к афразийским языкам (для которых, наоборот, абруптивность можно считать «естественной»), логично предположить, что в диалектах берта скорее имел место ареально обусловленный переход от имплозивной к абруптивной реализации, чем наоборот;

(в) палатальная серия, обычно представленная в «нило-сахарских» языках аффрикатами, в берта реализована как фрикативная; при этом глухой ее член всегда артикулируется как шипящий, а остальные два — как свистящие. На уровне «праберта» их опять-таки уместно записывать как потенциальные аффрикаты, исходя из соображений симметрии и типологии фонетических изменений (в частности, типологически редкий и нестабильный фрикативный абруптив *sʔ* почти наверняка должен был развиваться из абруптивной аффрикаты **cʔ*).

Помимо этого, в ряде говоров берта отмечается склонность к палатализованной артикуляции фонем велярной серии в соседстве с передними гласными, ср. в [Andersen 1993a: 57] такие примеры, как: *adigiŋ* ~ *adiziŋ* 'борода', *qede* ~ *ɕede* 'его, ее' и т. п.; однако в настоящую фонологическую оппозицию, насколько можно судить по доступным материалам, это развитие превратиться еще не успело, и даже в тех диалектах, где оно зафиксировано, оба варианта часто остаются в отношении свободного варьирования.

В области вокализма, по данным большинства исследователей, для берта характерно отсутствие фонологической оппозиции

по +/-ATR, хотя во многих диалектах простые и централизованные гласные представлены как позиционные аллофоны. Общая для всех диалектов система состоит из стандартных пяти кратких (*a, e, i, o, u*) и соответствующих пяти долгих фонем.

Супрасегментные системы, как правило, представлены оппозицией из двух регистровых тонов (высокий, низкий) и двух контурных (падающий, восходящий), которые удобно рассматривать как комбинации регистровых тонов, допустимые лишь в «тяжелых» слогах (структуры CVC или с долгим гласным).

Морфология берта не отличается особенной сложностью, и в большинстве случаев как именные, так и глагольные корни легко отделимы от словоизменятельных аффиксов (в глаголе — от суффиксов и префиксов личного спряжения, в имени — от суффикса мн. ч. *-i*, иногда вызывающего переогласовку корня или тональные чередования в непроезводных основах, ср. в говоре Абегу: *gàlì* 'собака', мн. ч. *gè:l-î ~ zè:l-î*).

В плане лексики следует отметить довольно высокую степень устойчивости базисного слоя к заимствованиям, даже из престижного арабского языка; ниже будет видно, что и на уровне «праберта», хронологически предшествовавшем началу арабского влияния, очевидные заимствования из других потенциально «нило-сахарских» источников, как правило, не обнаруживаются (спорный вопрос о характере берта-джебельских связей, как уже было сказано, будет обсуждаться отдельно).

4.1.3. *Лексикостатистика.* Полноценное лексикостатистическое обследование языков / диалектов берта по состоянию на текущий момент провести невозможно из-за нехватки данных: подавляющее большинство источников базируется на материале престижного диалекта майю, а те источники, которые все же приводят эквиваленты из фа-даси, унду и других наречий (в первую очередь это компилятивный труд Э. Черулли и собственные полевые заметки М. Л. Бендера), не заслуживают доверия в плане аккуратности семантического глоссирования.

Противоречия наблюдаются иногда и между источниками, претендующими на описание одного и того же диалекта. Так, например, в словарных списках Бендера [Bender 1989b: 297] слово 'видеть' для всех трех основных диалектов (майю, фа-даси, унду) записывается как *rúu*. В то же время в словаре [Neudorf 2007: 62],

представляющем диалект майю, для значения 'видеть' предлагается совершенно иной эквивалент: *mà:dà-ʔi*, производный от *mà:dà* 'знать'; а в еще одном известном нам списке по диалекту майю, записанном от 21-летнего жителя Асосы [Siebert, Wedekind 2002], значение 'видеть' передается как описательная конструкция *hòšélè θάη* (= *hòšàlà θάη* 'смотреть, наблюдать' в [Neudorf 2007: 49]). Возможно, это означает, что старая основа 'видеть', какой бы она ни была, в настоящее время находится в нестабильном состоянии, а на ее место претендуют разные альтернативные эквиваленты — в зависимости не только от диалекта, но даже от конкретного говора или идиолекта. Однако примеров таких противоречивых описаний даже в пределах 100-словного списка обнаруживается по крайней мере четыре-пять, а это уже означает, что претензии можно предъявлять и к составителям списков.

В связи со всем сказанным выше мы приняли решение не публиковать в данном разделе полную матрицу лексикостатистических совпадений между отдельными списками, составленными по данным таких источников, как [Bender 1989b] (три списка по майю, фа-даси и унду), [Cerulli 1947] (диалекты фа-даси, «ва-кошо» и «рикабийя»), [Andersen 1993a] (говор Абегу диалекта майю), [Siebert, Wedekind 2002] (говор Асосы диалекта майю) и [Neudorf 2007] (диалект майю без указания говора), ввиду очевидной ненадежности результатов. Отметим лишь, что списки, отражающие «диалект» фа-даси, в целом довольно стабильно показывают минимальный процент совпадений с «диалектом» майю: 78% между «майю» Бендера и «ва-кошо» Черулли, 79% между «фа-даси» Бендера и «рикабийя» (майю) Черулли, 80% между «фа-даси» Черулли и «майю» в словаре [Neudorf 2007] и т. п. По диалекту унду, где список составляется лишь по данным Бендера, что-либо достоверно сказать трудно. Из 6 случаев лексических расхождений между майю и фа-даси в [Bender 1989b] унду в 3 случаях согласуется с первым и в 3 — со вторым, но можно ли на этом основании утверждать, что унду — третья полноправная ветвь берта, неясно.

В глоттохронологическом плане эти цифры интерпретируются следующим образом: наблюдаемая сегодня картина языкового (диалектного) разнообразия берта начала складываться примерно в V–III вв. до н. э., когда ранние формы современных диалектов «майю» географически обособились от диалектов «фа-даси».

Более четкий сценарий может быть предложен лишь в ходе отдельного исследования и к тому же требует более аккуратных данных по фа-даси и унду; для нас самым важным остается тот факт, что имеющихся данных как минимум достаточно для того, чтобы относительно надежно реконструировать 50-словный список для «праберта» и тем самым вывести этот пучок диалектов / близкородственных языков на внешний уровень сравнения.

Основными материалами, необходимыми при реконструкции требуемого списка, послужат следующие: (а) данные по языку / диалекту *майю* [маю], взятые из работ М. Л. Бендера [Bd.], Т. Андерсена по говору Абегу [An.], Э. Черулли по наречию «рикабийя» [Ce.] и словаря [Neudorf 2007] [Nd.]; (б) данные по языку / диалекту *фа-даси* [фдс], взятые из работ Бендера и Черулли; (в) данные по языку / диалекту *унду* [унд] из списка Бендера; (г) данные по отдельному наречию «ва-кошо» [кшо] из материалов Черулли, не соотносимые напрямую ни с одним из диалектов, описанных в более новых источниках. Что касается еще более старых данных из списков XIX и начала XX в. (Кайо, Тучек, Эванс-Притчард и т. п.), то их использование будет носить лишь вспомогательный характер — там, где это требуется для решения спорных вопросов этимологии и реконструкции.

50-словный список для языков берта

1) «пепел»: маю *bùbùd'à ~ bùbd'à* [Bd.], *bùbùdà* [An.], *bùbùdà ~ pùpùdà* [Nd.], фдс, унд *bùbùd'à ~ bùbd'à* [Bd.]. || Праберта **bùbùdà*.

Первый слог в этом слове соблазнительно рассматривать как результат редупликации; однако следует учитывать, что редупликация в берта не встречается в качестве сколь-либо продуктивного способа слово- или формообразования, а корневых структур вида **C₁VC₁VC₂*- в этом языке отмечено явно недостаточно для того, чтобы можно было уверенно говорить о «застывших» случаях редупликации в архаичных основах. Не исключено, что речь скорее идет о каком-то старом корнесложении (← **bu/C/-bud-*), расшифровать которое без внешних данных не удастся.

2) «птица»: (а) маю, фдс, унд *bè:gú:* [Bd.]; (б) маю *mìs'é* [An.], *mìs'é šò:rú* [Nd.], фдс *mìc'è:* [Ce.], кшо *mìc'è:*.

Расхождения между данными Бендера и прочими источниками объясняются тонкими смысловыми нюансами. Слово *bè:gi:*, глоссированное у Бендера как просто 'bird', в ряде других источников переводится более узким значением 'орел', в то время как форме (б) у Андерсена более точно соответствует значение 'fowl', т. е. 'домашняя птица, курица'; ср. противопоставление обоих терминов в примере *bègù kólà mîsé* 'орел ест кур' [Neudorf 2007: 25]. По-видимому, ближе всего именно к родовому понятию 'птица' стоит сочетание *mîsé šò:ru*, букв. 'курица неба', обозначающее множество летающих птиц, противопоставленных домашней (нелетающей) курице; как показывают текстовые примеры все в том же словаре [Neudorf 2007], в это множество входит и слово *bègù* 'орел'.

По формальным параметрам на уровень внешнего сравнения следует в первую очередь выводить праберта **mîçé* 'курица', 'домашняя птица', (с доп. лексическим модификатором) 'птица вообще'. Но не исключено, что в определенных условиях роль родового термина на себя могло брать и слово 'орел' (как птица *par excellence*, ср. греч. ὄρνις и т. п.).

Вопрос о характере связи между берта **mîçé* и праджебельской основой **mîCε* 'птица' уже обсуждался в предыдущем томе исследования (с. 213). То, что связь неслучайна, сомнений не вызывает; однако установить, является ли она генетической или ареальной (а во втором случае — еще и установить направление заимствования), без общей оценки берта-джебельской системы лексических изоглосс вряд ли возможно.

3) «черный»: маю *mî:lí* [Bd.], *mîlí* [Nd.], фдс *mèlé* [Bd.], унд *mî:lí* [Bd.]. || Праберта **mîlí*.

4) «кровь»: маю *káβà* [Bd.], *qáfa*: [An.], *ka:fa*: [Ce.], *káfa* [Nd.], фдс, унд *káβà* [Bd.]. || Праберта **gápa*.

Ср. праджебельскую реконструкцию **gefə-* 'кровь' (том II исследования, с. 215).

5) «кость»: маю *kà:rà* [Bd., Nd.], *qà:rà* [An.], фдс, унд *kà:rà* [Bd.]. Праберта **kà:rà*.

6) «ноготь»: (а) маю *má:šù* [An., Nd.], унд *mà:šù* [Bd.]; (б) кшо *ṭabu-buš* (?). || Праберта **má:çù*.

Форма *ṭabu-buš* в материалах Черулли буквально означает 'волосы руки'; твердой уверенности в том, что это сложное слово действительно является основным эквивалентом значения 'ноготь'

в диалекте кшо, и даже в том, что оно вообще может значить 'ноготь' (а не просто 'волосы на руках'), нет.

Ср. в джебельской группе фонетически совместимые варианты **masi* ~ **musi* 'ноготь' (том II, с. 215).

7) «умирать»: маю *múš-à* [Bd., Nd.], фдс унд *múš-à* [Bd.]. || Праберта **múš-*.

8) «собака»: маю *gàlì* [Bd.], *gàlì* [An., Nd.], *gali* [Ce.], фдс *gèl* [Bd.], *kile* [Ce.], унд *gàlì*. || Праберта **gàlì*, с переогласовкой **a* → *ə* или **a* → *i* в отдельных диалектах под влиянием гласного второго слога.

Ср. правост.-джебельск. **keli* ~ **kele* 'собака' (том II, с. 216), противопоставленное этимологически отличному от него гаам *a:t* ← **a(:)q̣*.

9) «пить»: маю *mér-r-à* [Bd., Nd.], *mêr* [An.], фдс унд *mér-r-à* [Bd.]. Праберта **mé:r-*.

10) «сухой»: маю *hòšà:lí* [Bd.], *hòšàlà* [Nd.], фдс *hòšòlì* [Bd.], унд *hòšà:lí*. || Праберта **kòšàl-*.

Третий согласный в этой основе, скорее всего, представляет собой глагольный суффикс (возможно, пассивный), но производящая основа отдельно не зафиксирована. (В [Neudorf 2007: 49] зафиксирован глагольный корень *hòš-* 'собирать костер, складывать в кучу', но семантическая деривация → 'быть сложенными для костра (о дровах)' → 'быть сухим' выглядит сомнительно.)

11) «ухо»: маю *ì:lè* [Bd.], *ʔilè* [An.], *ilè* [Nd.], фдс *èlèʔ* [Bd.], *ile* [Ce.], унд *ì:lè*, кшо *ile*. || Праберта **ilè*.

Соответствия гласных по количеству носят хаотический характер; пока неясно, следует ли подчеркнуто восстанавливать на праберта уровне долготу первого (как у Бендера) или, наоборот, второго (как у Андерсена) слога.

12) «есть»: маю *θín-à* [Bd.], *tín* [An.], *θín-à* [Nd.], фдс *θín-à* [Bd.], *θín* [Ce.], унд *θín-à*. || Праберта **tín*.

Известна также и другая основа с похожим значением: маю *qól* 'есть (мясо)' [An.], *kól-à* [Nd.] id. В материалах по фдс и унд она не зафиксирована, но тем не менее есть все основания предполагать и для праберта оппозицию **tín* 'есть (вообще), есть мягкую пищу' : **qól* 'есть (мясо)'. Для лексикостатистических целей, как и в других аналогичных случаях, значимость имеет в первую очередь **tín*, но при дополнительной этимологической обработке материала имеет смысл учитывать и оппозицию в целом.

13) «яйцо»: маю *hú:húlu* [Bd.], *χúlχúlu* [An.], *hú:húlu* [Nd.], фдс *hú:húlu ~ hòlò* [Bd.], унд *hú:húlu*. || Праберта **kúlkúlu*.

Основа производит впечатление «экспрессивной» редупликации, в наиболее архаичной форме сохраняющейся в говоре Абегу (в материалах Бендера представлен упрощенный вариант со стяжением кластера). Возможно, что вариант *hòlò* в фдс отражает еще более архаичный узус (без редупликации). Однако внутренней этимологии, которая возводила бы данное слово, например, к предикативному значению 'быть круглым' и т. п., обнаружить по доступным материалам не удалось.

Ср. также очевидное фонетическое сходство с гаам *kólód* 'яйцо' (но не с восточноджебельскими формами).

14) «глаз»: маю *àřè* [Bd.], *àrè*: [An.], *are*: [Ce.], *àrè* [Nd.], фдс *àřè* [Bd.], *are*: [Ce.], унд *àřè*, кшо *are*:. || Праберта **àrè*.

Ср. фонетически сходные формы в восточноджебельских языках (ака *ere*, моло *eri* и т. д.), хотя, судя по фонетическим соответствиям, вибрант в них вторичен: исходная форма для праджебельского 'глаза' (том II, с. 219) восстанавливалась в виде **eti*.

15) «огонь»: маю *mù*: [Bd.], *mú*: [An.], *mú* [Nd.], фдс *mè*: [Bd.], *to* [Ce.], унд *mù*:, кшо *moʔo*:. || Праберта **mú* (?).

Ср. гаам *mā* и др. джебельские формы ← праджебельск. **moʔa* или **maʔu*; в этой связи любопытна транскрипция *moʔo*: в кшо — нельзя исключить, что гортанная смычка неаккуратно записывает здесь какую-то интонационную особенность контурного тона, но, с другой стороны, контурный тон сам по себе обычно возникает в «нило-сахарских» языках из стяжения, вызванного падением слабого согласного, так что формы в берта и в джебельских языках в любом случае очень хорошо согласуются друг с другом.

16) «нога»: маю *hù*: [Bd.], *χù*: [An.], *hù* [Nd.], фдс *hè*: [Bd.], *ho*: [Ce.], унд *hù*:, кшо *ho*:. || Праберта **kù*:.

17) «волосы»: маю *àlú=bùš* [Bd.], *bùš* [An., Nd.], фдс *àlú=bùš* [Bd.], *buš* [Ce.], унд *àlú=bùš*, кшо *buš*. || Праберта **bùs*.

Компонент *àlú*= в записях Бендера = 'голова' (значения 'волосы на теле' и 'волосы на голове' в берта выражаются одним корнем).

18) «рука»: маю *θàb'á* [Bd.], *tàbá* [An.], *θaba*: [Nd.], фдс *θàb'á* [Bd.], *taba*: [Ce.], унд *θàb'á*, кшо *θaba*:. || Праберта **tàbá*.

19) «голова»: маю *àlú* [Bd., An.], *alu* [Ce.], *àlù* [Nd.], фдс *àlú* [Bd.], *olo*: [Ce.], унд *àlú*, кшо *olo*: [Ce.]. || Праберта **àlú*.

Слово очевидно сопоставимо с праджебельск. **ola* (т. II, с. 222).

20) «слышать»: маю *há:l-à* [Bd.], *ɣàl* [An.], *hà:l-à* [Nd.], фдс унд *há:l-à* [Bd.]. || Праберта **kà:l-*.

21) «сердце»: маю *bìšì* [Bd.], *bišì* [An.], *bišì* [Nd.], фдс унд *bìšì* [Bd.]. || Праберта **bìcí*.

22) «рог»: маю *b'úlùŋ* [Bd.], *búlùŋ* [An., Nd.], фдс унд *b'úlùŋ* [Bd.]. Праберта **búlù-ŋ* (конечный -ŋ, вероятно, имеет суффиксальное происхождение, как в маю *fìšù-ŋ* 'грудь', *gùšù-ŋ* 'колено', *ú'ú-ŋ* 'мясо' [Bd.] и в ряде других анатомических терминов).

23) «я»: маю *àlì* [Bd.], *àlì ~ àl* [An.], *ali* [Ce.], *àlì* [Nd.], фдс *ali* [Ce.], унд *àlì* [Bd.]. || Праберта **àlì*.

Данная основа, помимо функции независимого местоимения, также употребляется как субъектный маркер спряжения, ср. унд *θiŋ-ali* 'я ел' [Bd.] и т. п. Совершенно иначе выглядит посессивная основа: унд *-i:ŋkʷo* [Bd.] (как в *šul-i:ŋkʷo* 'мой дом'), маю *-iŋkʷo* [Ce.], *(i)ŋkʷo* [Nd.]. Помимо этого, зафиксирован также субъектный префикс *a=* (*à=šibìlò*: 'я купил' [Nd.]) и суффиксы прямого объекта -*gi* (*hà:l-ó-gì* 'ты меня слышал' [Nd.]) и косвенного -*ge* (*mádìŋà-gé* 'покажи мне' [Nd.]).

Внутренняя реконструкция по такого рода данным чрезвычайно затруднительна; в целом обращает на себя внимание резкая асимметричность и запутанность местоименных морфем в берта, что может быть интерпретировано и как признак архаичности, и, наоборот, как признак «ломки» системы под влиянием неопознанных субстратов. Так, обычно для языков «нило-сахарского» типа бывает характерна общая этимологизация независимых местоимений ('я', 'ты') и местоименных показателей объекта ('меня', 'тебя'), и для местоимения 2-го л. в берта это справедливо (см. ниже). Однако основы **ali* и **gi* (датель *ge*, по-видимому, образован из слияния **gi-e*) свести к общему инварианту невозможно, разве что через недоказуемое предположение, что **ali* ← **al=gi*, где **al=* — старая эмфатическая частица, слившаяся с корнем и впоследствии вышедшая из самостоятельного употребления.

Очень косвенно в пользу такой гипотезы свидетельствует местоименная типология: согласный *l* в составе местоименного корня 1-го л. для языков Африки совершенно не характерен. Тем не менее, несмотря на то что по своему происхождению форма **àlì* почти наверняка является составной (архаичность местоименного

корня 1-го л. со структурой *VCV эмпирически маловероятна), надежных механизмов ее членения в нашем распоряжении нет, а это значит, что использовать ее как существенный аргумент для классификации берта (например, выделять в ней старый местоименный корень *a и на этом основании сближать берта с восточно-суданскими языками) нельзя.

24) «убивать»: маю *fíy-à* [Bd.], *fiy-* [An.], *fiy* [Ce.], *fi-à* [Nd.], фдс унд *fíy-à* [Bd.]. || Праберта *pi/y/-.

Не вполне ясно, должен ли палатальный глайд в этой форме считаться изначально корневым или эпентетическим. Следует также учитывать, что для слова характерна полисемия: в [Nd.] отмечены значения 'бить', 'охотиться', 'убивать'.

25) «лист»: (а) маю *sìs-ì-èlè* [Bd.]; (б) маю *dù:dù* [Nd.], фдс унд *dù:dù* [Bd.]. || Праберта *dù:dù.

Большинство диалектов берта выражает значение 'лист' с помощью отдельного лексического корня (*dù:d-), что для языков «нило-сахарского» круга в целом не типично. Тем не менее в списках Бендера для маю все же обнаружен идиоматический эквивалент: *sìs-ì-èlè* ← *sìs-ì/à/-ì:lè 'дерева-ухо' (см. 'дерево', 'ухо'). (Автор указывает, что в фдс эта идиома тоже встречается, но редко.) Повидимому, он возник относительно недавно под сильным ареальным влиянием, т. к. даже в словаре [Neudorf 2007] ничего похожего не зафиксировано.

26) «вошь»: маю *dí:ní* [Bd., Nd.], *dí:ní* [An.], фдс унд *dí:ní* [Bd.]. || Праберта *dí:ní.

27) «мясо»: маю *úʔúŋ* [Bd.], *ʔúʔú:ŋ* [An.], *úʔúŋ* [Nd.], фдс *úʔúŋ* [Bd.], *oʔo* [Ce.], унд *úʔúŋ* [Bd.]. || Праберта *uʔu-ŋ.

Очевидна связь с ака-моло-кело *oʔo* и гаам *ʔŋ* ← праджебельск. *oʔoŋ 'мясо' (см. том II, с. 226–227), причем конечный носовой в берта, вероятно, имеет суффиксальное происхождение (см. выше 'рог'), в то время как конечный носовой в гаам от корня отделить невозможно; это наблюдение можно использовать как косвенный аргумент в пользу заимствования в праджебельский из какого-то раннего этапа развития праберта.

28) «луна»: маю *zìgì* [Bd., Nd.], *zìgì* [An.], *sìgì* [Ce.], фдс *sìgì* [Bd.], *zìgì* [Ce.], унд *sìgì* [Bd.]. || Праберта *zìgì.

Развитие *ẓ (*z) → фдс унд s регулярно (см. ниже 'солнце').

29) «рот»: маю *ndu* [Bd.], *ndù* [An.], *ndù ~ indù* [Nd.], фдс *ndu* [Bd.], *ndu*: [Ce.], унд *ndu*, кшо *ndu*:. || Праберта **ndu*.

Редкий, но не единственный (см. ниже 'кто') пример начального носового кластера в берта; вариант с начальным гласным в словаре [Nd.], по-видимому, эпентетический. Обращает на себя внимание сходство с праджебельск. **udu* 'рот' (см. том II, с. 228), где **u*- в принципе могло бы быть вокализованным эквивалентом берта *n*-, т. к. в джебельских языках носовые кластеры в начальной позиции допустимы лишь в исключительных случаях.

30) «имя»: маю *hù*: [Bd.], *hù* [Nd.], фдс *hò*: [Bd.], унд *hù*:. || Праберта **kù*:.

31) «новый»: маю *mbè=dòkɔ̀lò* [Bd.], *tòkɔ̀lò* [Nd.], фдс, унд *mbè=dòkɔ̀lò* [Bd.].

Согласно объяснениям Бендера, сложная основа *mbè=dòkɔ̀lò* буквально означает 'тот, который сейчас', где *mbè=* — стандартный релятивизатор, а основа *dòkɔ̀lò* тождественна общеберта наречию *dòkɔ̀lé* 'теперь, сейчас' (в говоре, представленном словарем [Neudorf 2007], начальный согласный этой основы реализуется как абруптивный *t*, вероятно, под ассимилирующим влиянием срединного *-k-*). В свою очередь, основа *dòkɔ̀lé* с высокой вероятностью членится на дейктическую морфему *=lé* 'этот' и корень **dòkɔ̀-*, не встречающийся самостоятельно; однако, каким бы ни было его исходное значение, первичная семантика 'новый' для него маловероятна, так что выводить его на внешний уровень лексикостатистического сравнения формально допустимо, но с практической точки зрения бессмысленно.

32) «ночь»: маю *hàbìθáŋ* [Bd.], *hábíθáŋ* [Nd.], фдс, унд *hàbùθáŋ* [Bd.]. || Праберта **kabi-taŋ*.

Очевидно, что речь идет о составной основе — как из общеструктурных соображений, так и из того, что по крайней мере в одном источнике [Siebert, Wedekind 2002] для значения 'ночь' дается эквивалент *híbè* (по-видимому, ← **hábè* с ассимиляцией); помимо этого, в списках Бендера фигурирует также редкий вариант *habv-la* (говор Джебетто) с другим суффиксом. По-видимому, суффиксальную часть **-taŋ* можно отождествить с предлогом *θáŋ* [Nd.] 'у, при' и/или наречием *θàŋó* [Nd.] 'там', допуская, что она превращает простую именную основу **kabi* 'ночь = темнота' в сложную **kabi-taŋ* 'ночь = темное время суток'.

33) «нос»: маю àtúŋ [Bd.], àtúŋ [An., Nd.], фдс àtúŋ [Bd.], ати [Ce.], унд àtúŋ, кшо ати. || Праберта *àtúŋ-ŋ (конечный -ŋ допустимо рассматривать как суффикс по аналогии с 'рогом', 'мясом' и т. п.; ср. также его отсутствие в данных Черулли, хотя данный факт может объясняться и элементарной неаккуратностью).

34) «не»: маю wàlá [Nd.], унд wàlá [Bd.]. В работе Черулли отмечается, что отрицательные формы глагола во всех диалектах берта образуются с помощью префикса wol- (wol- в маю).

По мнению Бендера, эта отрицательная частица должна рассматриваться как прямое заимствование из арабского *wala* 'не'; такая ситуация для языков Северной Африки не беспрецедентна, и поэтому на уровне внешнего сравнения берта 'не' стоит скорее исключить (тем более что в словнике Бендера отмечены и многочисленные другие арабизмы среди служебных и полуслужебных слов в различных диалектах берта).

35) «один»: (а) маю dúkúnínŋ [Bd.], dúqúnínŋ [An.], dúkúnínŋ [Nd.]; (б) фдс tənɲə̀kù [Bd.], манауи [Ce.], tənàɲkù [Nd.], унд tɔ̀:ɲkú, кшо manakɔ̀.

Анализ данной изоглоссы, четко отделяющей друг от друга майю и остальные варианты берта, невозможен без общего взгляда на систему числительных в берта. Для майю большинство источников отмечает почти полную заимствованность этой системы из арабского, за исключением числительных '1' и '2' (*hòlənə̀nínŋ* [Bd.], см. ниже). Тем не менее в языке суданских берта, которые в плане выражения значений '1' и '2' согласуются с майю (*dúkónì* '1', *h^walanji* '2' [Bd.]), Бендер отмечает существование полного числового ряда (*zítígínì* '3', *šɔ̀:gèn* '4', *ássín* '5', *yá:gá* '6', *à:rùm* '7', *zùzùbè* '8', *sókónó* '9', *yúkù:bù* '10'). За исключением окказиональных фонетических созвучий (например, *ássín* '5' похоже на гаам *ásámán* '5', но это не доказывает общности происхождения), этот ряд совершенно не изоморфен ни арабскому, ни западнонилотскому, ни команскому, ни джебельскому, а также не имеет внутренней этимологии и, таким образом, претендует на значительную архаичность (по крайней мере, на отражение ситуации в праберта).

Суданскому числовому ряду противопоставлена система в фадаси и унду. Здесь числовой ряд представлен этимонами от 1 до 6, а также 10 (значения от 7 до 9 выражаются составными числительными), причем все семь слов имеют одинаковую структуру: